

Туман еще не рассеялся, как железные ворота молодежной тренировочной базы со скрипом отворились.

Лу Цзин тащил в руке холщовую сумку, а его шнурки были испачканы запекшейся черной кровью. Он ступил на влажный асфальт, не издавая ни звука. При нем не было ни багажа, ни сменной одежды, ни даже единого слова объяснения. Позади оставались отголоски той автокатастрофы семилетней давности, а впереди жгло это место, умолять о позволении остаться в котором он когда-то стоял на коленях, — теперь же оно остыло, словно надгробная плита.

У края тренировочного поля стоял Се Линь, не двигаясь с места. Его черная рубашка была застегнута на самую верхнюю пуговицу, а воротник прижимал старый шрам — под стать его характеру, всегда натянутому до предела, не допускающему ни единой слабину. Его взгляд упал вовсе не на лицо Лу Цзина, а намертво впился в левую ногу — тот жуткий шрам, тянувшийся от колена до щиколотки, был и медалью, оставленной той «случайностью» семилетней давности, и печатью, которую Се Линь наложил собственными руками.

— Ты вернулся, — произнес Се Линь, и его голос звучал так, будто его оттерли наждачной бумагой, лишенный всякого тепла.

Лу Цзин не ответил. Он бросил холщовую сумку прямо на землю, кеды рассыпались вокруг; носки некоторых потрескались, а подошвы стерлись до тонкого слоя резины, но все они были до безумия чистыми, будто им поклонялись как святыне.

— Ты пришел... извиниться? — Се Линь наконец поднял глаза, и его взгляд был острым, как нож.

Лу Цзин усмехнулся — легко, но от этой улыбки по стеклу словно полоснули острием.

Он наклонился и вытащил со дна сумки лист — тактическую схемку формата А4, аккуратно распечатанную, в правом нижнем углу которой красовалось: «Се Линь · Тактическая группа · План оптимизации на весну 2024 года».

Все тридцать с лишним человек на поле, включая игроков основного состава, только что закончивших утреннюю пробежку, затаили дыхание.

Лу Цзин ничего не сказал, поднял правую ногу — подошва была в грязи, но стояла твердо, как наковальня.

Хрусь.

Первым же шагом он наступил прямо на слова: «Фланговое давление».

Бумага треснула.

Хрусь.

Вторым шагом он раздавил фразу: «Центральный розыгрыш» — осколки бумаги брызнули в стороны, словно снег.

Хрусь.

Третьим шагом он растоптал мелкую строчку: «Утверждено лично Се Линем: Лу Цзину

запрещены тренировки».

Обрывки бумаги полетели повсюду, кружась в утреннем тумане, оседая в следах от обуви, запечатлеваясь в глазах всех присутствующих от ужаса.

Никто не смел шевельнуться. Никто не смел издать звук.

Се Линь не ругался. Не останавливал. Даже не нахмурился.

Он просто молча смотрел, пока последний клочок бумаги не упал на землю, и лишь тогда медленно произвел:

— Через три дня ты поведешь «Группу Никчемы» на матч.

По трибунам пронесся ропот.

«Группа Никчемы»? Та самая банда отбросов, которую Се Линь собственноручно вышвырнул из молодежки? Хромой вратарь, бунтующий нападающий с трехлетним дискретом, центральный защитник, над которым потешались из-за лишнего веса, обзывая «ходячей горой мяса»... У них даже нормальной тренировочной формы не было, а теперь им предстояло сыграть против элитного резерва?

Кто-то не выдержал и усмехнулся:

— Тренер Се, вы шутите?

Се Линь не посмотрел ни на кого.

Он повернулся, его черная фигура мелькнула, но в этот момент из манжеты выскользнул уголок пожелтевшего бумажного листа.

Фотография.

Лу Цзин семь лет назад, в застиранной добела форме молодежной команды, безумно счастливо улыбающийся, заталкивает тяжелый золотой кубок прямо в объятия Се Линя. Тогдашний Се Линь еще не был столь ледяным, в его глазах и бровях читалась юношеская растерянность, он неуклюже прижимал к груди кубок, словно держал раскаленную звезду.

Лу Цзин увидел это.

Он не стал расспрашивать, не шелохнулся, лишь холодно усмехнулся, бросив едва слышно, словно дуновение ветра:

— Тебе даже лень менять свою ложь.

Шаги Се Линя замерли.

Он не обернулся.

Он просто поднял руку, запихнул фотографию обратно в рукав, развернулся и вошел в кабинет.

Дверь захлопнулась, словно пощечина.

Три дня спустя, четыре часа утра.

Подвал.

Семеро человек жались друг к другу у протекающей железной кровати, а башни из пустых коробок лапши быстрого приготовления выросли до небес. Тусклая лампочка то вспыхивала, то гасла, освещая наколенник хромого вратаря Чэнь Е, в три слоя замотанный скотчем, манжету нападающего А Цзэ, из которой выглядывало уведомление о дискредитации, и центрального защитника Толстяка — тот использовал старую покрывку в качестве гантели, тяжело дыша, а пот капал на пол, как дождь.

— И это наше будущее? — А Цзэ держал в зубах окурок и саркастично ухмылялся. — Се Линь и впрямь считает нас цирковыми обезьянами, запертыми здесь на потеху публике?

Лу Цзин молчал. Он присел на корточки в углу и лезвием ножа подтачивал старое древко клюшки, действуя медленно, но с выверенной точностью.

Он не говорил: «Мы победим» — и не обещал: «Мы изменим свою судьбу».

Он лишь бросил:

— Ваше будущее не в тех клетках, которые он для вас начертил.

С этими словами он вытащил из сумки стопку бумаг — новое руководство по тренировкам, присланное ассистентом Се Линя, с золотым тиснением на роскошной обложке.

Прямо на глазах у всех семерых он порвал его.

Один листок, второй, третий...

Обрывки бумаги кружились, как снег, падая в чашки с лапшой, на наколенники Чэнь Е, на потную майку Толстяка.

Затем он достал зажигалку.

Чирк.

Язычок пламени взметнулся вверх, жадно пожирая страницы, и отблески огня отразились на половине его лица — холодного, но яркого.

— Сожжем, — произнес он.

В отблесках огня глаза А Цзэ внезапно покраснели.

— Брат... ты в самом деле на такое способен?

— Я не способен? — Лу Цзин бросил последний лист в огонь. — А кто семь лет назад стоял на коленях у дверей кабинета Се Линя и умолял не лишать меня права выступать в лиге?

Никто не ответил.

Огонь погас, пепел разлетелся в стороны.

Лу Цзин поднялся на ноги и подобрал мяч.

— Завтра я научу вас играть в футбол.

Поздняя ночь, поле совершенно пустынное.

Мертвенно-бледный лунный свет окрашивал гатрау в мертвенно-зеленый оттенок.

Лу Цзин в одиночестве тренировался у ворот снова и снова.

Он отрабатывал удар с той самой дуговой траекторией семилетней давности — внешней стороной левой стопы, с острого угла, не слишком мощный, но изощренный, как змея.

Первый удар — мимо.

Второй — чиркнул по штанге.

Третий...

Бум.

Мяч угодил в окно кабинета Се Линя.

Стекло не разбилось.

Но на подоконнике завяший суккулент от толчка задрожал, горшок опрокинулся, высохшая земля рассыпалась по полу, а само растение выкатилось наружу, напоминая брошенное мертвое тело.

Лу Цзин даже не взглянул. Он развернулся и направился обратно в раздевалку.

На следующее утро, проходя мимо кабинета, он по привычке бросил туда быстрый взгляд.

На подоконнике стоял новый горшок.

Зеленое растение, нежные листья, полные жизни.

Но — земля сухая, растение не поливали.

Почва потрескалась, кончики листьев свернулись, словно в безмолвной мольбе о спасении.

Лу Цзин задержался на пару секунд.

Затем холодно усмехнулся.

— Тебе лень ухаживать даже за растением, о каком возрождении вообще может идти речь?

Он развернулся и ушел, не сбавляя шага.

Внутри кабинета Се Линь стоял у окна, а кончики его пальцев еще были испачканы землей.

Он не смотрел на новое зеленое растение.

Он опустил голову и раскрыл лежавший на столе толстый блокнот.

Карандашные записи пестрели плотными рядами — сплошь тренировочные показатели Лу

Цзина: дистанция бега, точность ударов, время переноса центра тяжести, количество нарушений, индекс психологических колебаний...

Последняя строчка, написанная дрожащим почерком, выглядела так, будто на нее потратили последние силы:

— Он должен был стать MVP лиги, а не выброшенным за бортом отбросом.

Он захлопнул блокнот и из глубины выдвижного ящика достал обгоревший обрывок бумаги.

Края обуглены, но посередине еще можно разобрать слова:

[Копия доноса]

[Доносчик: Лу Цзин]

[Объект доноса: Се Линь]

[Содержание: незаконное применение чрезмерных доз обезболивающих, принуждение травмированных игроков скрывать состояние здоровья ради достижения результатов в матчах]

На обратной стороне листа виднелась короткая строчка, написанная рукой Се Линя:

— Только предав это огню, я позволю тебе выжить и вернуться.

Он долго вглядывался в эту строчку, после чего наконец поднял руку и опустил листок в шредер.

Аппарат зажужжал, превращая бумагу в пыль.

Он не плакал.

Он просто переставил новое зеленое растение поближе к окну, туда, где было больше всего солнечного света.

Затем достал телефон и набрал номер.

— Алло, помоги мне кое в чем разобраться.

— В тот день, когда семь лет назад Лу Цзина доставили в больницу, кто прибыл в приемный покой первым?

На том конце провода воцарилась трехсекундная тишина.

— ...Это были вы, тренер Се.

Се Линь закрыл глаза.

— Я понял.

Он сбросил вызов и посмотрел в окно.

Вдали Лу Цзин тренировал ту самую семерку неудачников на раскисшем от грязи поле, гоняясь за подобранными старыми мячами и отрабатывая никому не известную «безумную тактику».

Он вдруг улыбнулся.

Эта улыбка была похожа на тающий снег.

Словно ветер наконец распахнул ворота, закрытые на протяжении семи лет.

<http://bllate.org/book/19070/1873127>